

18+

Михаил Земсков
когда **МЕРЛО**
теряет вкус

КОГДА
МЕРЛО
ТЕРЯЕТ
ВКУС

нв
го ений
кунович
еятел
Д
тву
Соб
Ос
каз
та, день с дерев

Михаил Земсков

Когда «Мерло» теряет вкус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8884123

ISBN 9785447403911

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Загадочная телеграмма втягивает художника Егора, переживающего кризис среднего возраста, в водоворот драматических событий. Он возвращается в город своего детства, где все изменилось – улицы, дома, люди. Кому верить – старым друзьям или новой любви? Можно ли исправить что-то в своей жизни? Эти вопросы встают перед героем остросюжетного психологического романа «Когда „Мерло“ теряет вкус». Книга Михаила Земскова – о любви и о хрупкости мироустройства, которым управляет не высший разум, а хаос. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Егор	7
1	7
2	14
3	20
4	28
5	33
6	40
7	46
8	54
9	60
10	65
11	70
12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Когда «Мерло» теряет вкус

Михаил Земсков

Фотограф Виталий Мурашкин

Корректор Гаухар Шангитбаева

Дизайнер обложки Артем Калюжный

Редактор Леонид Бахнов

© Михаил Земсков, 2020

© Виталий Мурашкин, фотографии, 2020

© Артем Калюжный, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-0391-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мы с Наташей сидели в обшарпанном коридоре больницы на какой-то старой кушетке. Наташа полулежала на моих коленях и, возможно, спала. Что-то решалось в эти минуты. Что-то глобальное, выходящее за пределы ежедневного болтания между предметами знакомого и привычного мира. «Алиби-то есть?» – вертелся в голове дурацкий вопрос таксиста. Вне зависимости от того, чем закончится происходящее сейчас в нескольких метрах от меня, за этими обшарпанными стенами, моя жизнь изменится.

По коридору прошел человек, чье лицо мне было подозрительно знакомо. Я определенно видел его где-то, но не мог вспомнить ни обстоятельств, ни степени моего знакомства с ним. Он прошагал мимо нас, не замечая, или не желая меня замечать. Я смотрел ему вслед, пока хлопнувшая входная дверь не скрыла от меня его внушительную спину.

– Вы не Мусаева ждете? – подошла к нам быстрая, деловая и нервная медсестра. Наташа даже не шелохнулась.

– Кого? – откуда мне знать, какая у него фамилия.

– Профессора Мусаева.

– Нет.

Медсестра очень хотела сказать что-то еще, но я посмотрел на нее спокойным ясным взглядом, которым обычно смотрю на людей, когда хочу, чтобы меня оставили в покое.

На женщин этот взгляд обычно действует. Медсестра ушла.

Почему именно в этой больнице? Калкаманская больница отличалась бедным материальным обеспечением, хамством персонала, да и просто убожеством. Впрочем, и хорошими специалистами в области нейрохирургии тоже. Значит, черепно-мозговая травма.

«Алиби-то есть?» Скорее всего, я действительно был последним, кто его видел перед случившимся. И наверняка его последний, или один из последних звонков, был на мой мобильный. Мы снимали видео в трех местах, и в каждом сделали по три дубля. Распрощались в девять вечера на углу улиц Гоголя и Байтурсынова. Он как-то нехорошо усмехнулся, когда махнул мне рукой. Интересно, как он меня называет про себя? «Московский петух», «крендель», «старичок», или все-таки более уважительно – «чувак»?

Если быть честным с самим собой, смерть лежащего за стеной парня действительно была бы мне выгодна. Возможно, мне одному на этой планете. Во всяком случае, мне так кажется.

По больничному коридору провезли труп, накрытый простыней. Второй труп, который я видел за этот день.

Часть 1. Егор

1

Я ждал Пашу в небольшом кафе на Пятницкой. Пил «Мерло» и думал о том, что конец света приходит незаметно. Начинают изменяться маленькие вещи – мелочи, на которые мы никогда не обращаем внимания. На днях я сидел в парке на лавочке. Увидев на сиденье желтый березовый лист, взял его, покрутил в пальцах. Рассмотрев внимательно, заметил: в нем что-то не так. Необычная форма – более острые и глубокие зазубрины, больше прожилок. Я встал с лавочки и сорвал с березы еще несколько листьев. Все они выглядели как первый. В этом году березовые листья изменили свою форму. Можно назвать это мутацией, а можно никак не называть. Просто осознать: нечто изменилось в этом мире. А закон Вселенной таков, что любое изменение какого-либо предмета в ней всегда – тем или иным образом, раньше или дольше – ведет к прекращению его существования.

Теперь же я пил «Мерло» от Жан Поль Шене и чувствовал, что у него другой вкус. Последние несколько лет я пью в основном только этот сорт вина. Сегодня он изменился. Березовые листья, вино... Не много ли для одной недели?

На стул передо мной опустился Паша. Я даже не заметил,

как он вошел в кафе.

– Здорово, – он протянул мне руку. На белом манжете рукава – пятна крови.

– Здорово, – я пожал большую пятерню (почему пожатие ладони, которая больше моей по размеру, вызывает во мне психологический дискомфорт?).

– Что это? – я неприлично ткнул пальцем в пятна крови.

– Фигня. Один чувак денег задолжал, извинялся.

Паша – мой бывший одноклассник и мелкий бандит. Он зарабатывает тем, что дает деньги в долг, а потом выбивает долги с просрочивших должников. И то (давать в долг), и другое (выбивать долги) он делает с одинаковым удовольствием. Так что можно сказать, что Паша живет самодостаточной и счастливой жизнью.

– Официант! – у Паши громкий голос. Он заказывает пиво и эскалоп. Смотрит на меня радостным взглядом. Почему его взгляд радостен? Черт его знает. Почему я дружу с бандитом? Скажу по большому секрету: мы все живем в бандитском государстве, и дружить с бандитом вполне естественно. Паша работает в частном охранном предприятии, и ему не чуждо ничто человеческое. Он любит искусство и регулярно ходит на мои выставки.

У Паши звонит мобильный телефон. Он жмет на зеленую кнопку:

– Алло. Да, Сеня, привет. Чем обрадуешь? Хорошо. Сколько? До какого числа? Хорошо... Смогу.

Паша жмет на красную кнопку и снова смотрит на меня радостным взглядом:

– Ну что, чем обрадуешь?

– Паша, сегодня не я тебя, а ты меня радовать должен.

Паша громко и заливисто смеется:

– Сейчас она подъедет.

Официант приносит пиво. Паша делает небольшой глоток, потом жадно пьет и зараз выпивает половину кружки:

– Кстати, на днях Леха звонил, помнишь, Звонарев. Двадцать штук ентов просил. Под бизнес. Невероятно срочно, под хороший процент.

– Он же в Алма-Ате... – я отставляю бокал. Леша Звонарев. В восьмом классе мы с ним здорово играли в одной баскетбольной команде. Втроем – Паша, Леша и я – мы хорошо сыгрались, закидывали мячи в корзину один за другим, против кого бы ни выступали...

– Ага... Еще в десятом классе двести баксов занял, да так и не отдал... С-сука...

В кафе входит красивая и ухоженная женщина лет сорока пяти, направляется к нашему столу. Паша церемонно поднимается ей навстречу:

– Здравствуйте, Людмила Юрьевна.

– Здравствуйте, Павел, – она протягивает ему маленькую костлявую ладонь, потом смотрит на меня. Я встаю со стула и жму ее руку. Паша обходит вокруг Людмилы Юрьевны и отодвигает для нее стул.

– Вот копии всех документов. План квартиры, договор, документы хозяина. Мы предварительно навели все справки – с документами все в порядке. Теперь, как я говорила, нужно внести аванс в размере тридцати тысяч долларов.

Документы разложены передо мной на столе, между моим бокалом вина и Пашиным эскалопом.

– Наконец-то у тебя своя хата появится, – Паша допивает пиво.

Людмила Юрьевна водит тонким пальцем по документам:

– План квартиры, договор, документы хозяина... Мы навели справки – все в порядке...

Я молча киваю головой, наклоняюсь к своему рюкзачку, спрятанному под стулом и достаю из него пакет с тремя пачками стодолларовых купюр. Людмила Юрьевна испуганно поднимает ладони:

– Как, здесь?

Паша переводит взгляд с меня на Людмилу Юрьевну, потом обратно – с Людмилы Юрьевны на меня...

– Ты что?! Переводом можно было... Или завтра в офисе, – наконец говорит он.

Людмила Юрьевна оглядывается по сторонам. В маленьком кафе немногочисленно.

– Хорошо. Минутку, – Людмила Юрьевна звонит по мобильному телефону:

– Ираклий, можешь зайти за мной? Да, внутрь зайти, –

повторяет с раздражением, – прямо и налево.

Людмила Юрьевна отключает телефон и улыбается мне:

– Ничего, все в порядке. Оформим расписку здесь.

Мы едем с Пашей по ночной Москве. Звучит красивая музыка – наверное, из старых американских фильмов. Во всяком случае, после двух бокалов «Мерло» мне представляются вокруг бескрайние прерии – несмотря на то, что мы едем по Садовому Кольцу.

– Ты что-то не выглядишь радостным... – вмешивается в картины прерий громкий Пашин голос.

Я пожимаю плечами:

– Куплю квартиру – исполнится мечта. К чему потом стремиться дальше?

– До квартиры же к чему-то стремился?

Я задумываюсь и снова пожимаю плечами:

– По-моему, нет.

– А твое искусство... Разве не в нем у тебя всегда был смысл жизни?

Я в третий раз жму плечами. Паша молчит, потом прерывает паузу:

– Деньги с брюссельской выставки?

– Выставка провалилась, – как можно более обыденным голосом отвечаю я.

– Да ты что?! Не поняли твое искусство?

Прерии, вернитесь ко мне... Заклинаю...

– Искусства больше нет. Есть только его интерпретации. То, что провалилась выставка, – не моя вина, а недоработка интерпретаторов.

– Суки... – сочувствует Паша, – подай на них в суд.

Великолепная идея! Судебный иск, как минимум, на миллион долларов. Но я возвращаюсь к нашему разговору:

– Дело даже не в них... Когда искусства стало слишком много, оно умерло. Возможно, то же происходит теперь с интерпретациями: их становится слишком много.

Глубокая пауза. Мы проезжаем один светофор, другой...

– Так что же теперь делать? – в голосе Паши дрожь волнения за судьбу мирового искусства.

Я тоже держу паузу, пока она не становится драматически художественной, потом прочувственным голосом отвечаю:

– Интерпретировать интерпретации.

Я попросил Пашу высадить меня около «Копейки» – решил купить продуктов и немного прогуляться.

Несмотря на поздний час, людей в магазине было еще много. Лица, эмоции, взгляды, мимика; такие разные... Красивые и усталые, глупые и добрые, обиженные и безразличные. Среди бродящих между рядами покупателей несколько милостивых девушек. Сложив продукты в тележку, направляясь к кассам. Передо мной симпатичная кассирша (везет на красивых девушек сегодня). Можно обойтись без глупого «Девушка, как вас зовут?» – бейджик с надписью «Света»

сразу раскрывает все карты.

– Здравствуйте, Света, – людям ведь обычно приятно, когда звучит их имя; я подаю ей хлебный батон и с улыбкой смотрю на опущенное над кассовым аппаратом лицо.

Она поднимает на меня глаза, равнодушно смотрит и снова их опускает. Я тем временем замечаю обручальное кольцо на ее безымянном пальце.

– Света, можно пакетик? – не унимаюсь я.

– Какой? По пять или по полтора? – грубым, почти мужским, голосом недовольно спрашивает кассирша, и у меня пропадает всякое желание продолжать какой-либо разговор. Вдруг становится грустно и тоскливо. Расплатившись за продукты, я иду к выходу.

Бреду домой по сумрачной аллее. Скоро станет темнеть совсем рано, и с каждым днем все раньше и раньше. Скоро зима и серость... Навстречу – силуэты редких прохожих. Каждый сам в себе, в своих заботах. Мир пустеет, становится разреженным, как воздух на Эвересте.

2

Я вернулся домой – в свою маленькую уютную квартирку. Наверное, это странно, но любое место, где я живу дольше одного дня, кажется мне невероятно уютным. Какая разница... Это мой дом. Хотя сейчас я мечтал о том, чтобы мое место было действительно моим, а не съемным. Чтобы в своей квартире я мог раскрасить стены и потолок в те цвета, которые хочу, на белой кухонной стене изобразить иероглиф «Ом», а на дверях и окнах писать примитивистские картины. Почему-то именно примитивистские и именно на дверях, и особенно – на окнах.

Я бросил ключи на пол около входной двери (как обычно – чтобы потом не искать долго), прошел в комнату и включил телевизор. Что бы по нему ни показывали – пусть идет. Пусть вещает. Ему ведь это нравится... Повалившись на диван, я уставился в окно. Нужно работать. Прикрой глаза – и уснешь. Оставишь открытыми – будешь работать, что-то сделаешь. Произведешь что-то новое для этого мира. Я встал с дивана, прошел на кухню, достал из холодильника пакет сока, сделал несколько глотков прямо из пластикового горлышка.

Неожиданно мне в голову пришла мысль, что голая попа – это символ всего в этом мире. В ней и красота, и дерьмо. И округлость, и прямая линия – в зависимости от угла зре-

ния. «Нужно изобразить Вселенскую попу, – тихо проговорил сам себе, – и вообще, хочу быть окружен голыми женскими попами...»

Вернувшись в комнату, застал захватывающий криминальный репортаж по НТВ:

– В Москве задержаны двое граждан Украины, хранивших полкило марихуаны в розовом плюшевом слоне.

Розовый плюшевый слоник занимает чуть ли не все пространство голубого экрана, но ему на смену – к моему сожалению – дают крупный план двух несчастных, худых и небритых, украинцев. Один из них неуверенно говорит в большой, явно контрастирующий с его худобой, микрофон:

– Мы всегда травку в розовых слониках держим. В них удобнее, чем в зайчиках. Можно еще в мишках, конечно, но они коричневые, то ж неэстетично...

Я медленно опустился на пол. Из этого сюжета – прямо из экрана в комнату – проникла некая запредельность и обхватила меня своими абсурдными, одновременно реальными и нереальными, пространствами. Аве... В такие секунды ко мне приходят самые гениальные идеи и образы, и нужно срочно брать в руки кисти и смешивать краски. Что я и сделал через несколько секунд. Но в голове вертелось: «Езжай на рынок за дешевыми китайскими мягкими игрушками! Езжай на рынок за дешевыми китайскими мягкими игрушками!»

– Почем эти зайчики?

– Девяносто.

– А мишки?

– Сто.

– А слоники есть?

– Сто десять.

– Если десять слоников и десять зайчиков возьму, скидку сделаете?

– Зайчиков по восемьдесят отдам, а слоников – по сто.

– Давайте...

Я внес в квартиру три больших мешка с мягкими игрушками, пронес их в комнату и повалил около дивана. Бросил ключи на пол у входной двери и разулся. Половина дела сделана. Прошел на кухню к холодильнику, достал сок, сделал несколько глотков. Нужно включить плиту и поставить на горелку суп. Не хочу. Позже. Вернулся из кухни в комнату, глянул на вчерашний эскиз, снял его с мольберта и порвал. Звонок в дверь прозвенел одновременно со звуком разрываемого ватмана.

Мой дверной звонок звонит в среднем один раз в четыре месяца. Наверное, поэтому я удивлен и насторожен.

На пороге женщина-почтальон – словно из советского детства:

– Здравствуйте. Вам телеграмма. Распишитесь, пожалуйста, – она протянула мне лист бумаги. Я нашел свою фамилию:

– Какое сегодня число?

– Восемнадцатое сентября.

Я расписался и поставил число. Почтальонша вручила мне телеграмму:

– До свидания.

– До свидания, – я закрыл за ней дверь и развернул листок телеграммы.

«Егор зпт сильно заболела тчк пожалуйста зпт приезжай тчк мама».

Почему телеграмма?

Я подошел к телефону и набрал мамин номер в Алма-Ате. Долгие гудки без ответа.

В турагентстве каким-то чудом оказалась снятая бронь на утренний рейс завтрашнего дня. Я позвонил Паше и сообщил ему, что заболела мама и я улетаю в Алма-Ату. Он предложил проводить меня в аэропорт.

Следующим утром он подъехал к моему дому на своей «восьмерке». Темно-вишневая «восьмерка» – вторая машина Паши. Первая – «Рено Меган». Однажды я спросил Пашу, зачем ему две машины.

– «Рено Меган» – для работы. «Восьмерка» – для мечты.

– Странный расклад. Я думал – наоборот.

– О «восьмерке» я столько лет мечтал – с последних классов школы. А как Леха купил себе «восьмеру» в институте, – особенно. Мечты должны сбываться – рано или поздно...

Чтобы выехать на Каширское шоссе, мы долго кружили по каким-то улицам.

– Кого из наших встретишь – передавай привет, – убавив звук радио, сказал Паша.

– И Лехе?

– И Лехе. Он классный пацан был. Деньги его испортили. А кого бабки не портят?

– Тебя, наверное, – усмехнулся я.

– Да-а... – протянул Паша. – Мне бы лимонов десять, и я стану к ним абсолютно равнодушен...

Мы остановились на светофоре в крайнем левом ряду. Впереди стоял старый красный «Опель». За рулем сидел лысоватый сухонький мужчина лет пятидесяти. Рядом – женщина лет тридцати. Женщина что-то говорила мужчине, повернув к нему голову и позволяя нам любоваться ее красивым профилем. Включился зеленый свет. «Опель» чуть тронулся вперед, но вдруг на нем замигал левый поворотник, и он остановился, едва выехав на перекресток.

– Ну мудака! Что ж ты раньше поворотник не врубал?! – выругался Паша. Стоящие за нами машины начали сигналить. Паша со злостью обернулся назад, но ничего не сказал. Зато заметил рукоятку бейсбольной биты, выглядывающую из-под переднего сиденья...

Бейсбол – любимая игра русского бандита. Судя по тому, как часто можно видеть в его машине биты, создается впечатление, что весь день у него состоит из сплошных трени-

ровок на разных бейсбольных полях и спорткомплексах города. А в перерывах между тренировками он только переезжает с одного поля на другое.

Паша достал биту из-под сиденья и вышел из машины. Сигналы сзади прекратились. Паша подошел к красному «Опелю» и одним резким ударом разбил левый поворотник. Сидящие в машине мужчина и женщина вздрогнули и резко обернулись назад.

– Тебе этот поворотник на хрен не нужен. Ты им все равно не пользуешься! – крикнул Паша и картинно развел в стороны руки. Водитель «Опеля» хотел выйти, но женщина его остановила. Паша вернулся в машину, кинул на заднее сиденье бейсбольную биту и включил сигнал правого поворота.

– Разве не справедливо? – спросил он меня и, не дожидаясь ответа, посмотрел назад: – Ну пропустите, суки, обеду, – обратился практически в никуда – к несущимся по правым от нас рядам машинам. Оглядываясь назад, Паша не заметил, как впереди на перекресток откуда-то вывернула милицейская патрулька и встала перед «Опелем». Из нее вылезли двое похожих друг на друга милиционера.

В аэропорт я доехал на такси.

3

Яркое синее небо вверху и лохматые клочья облаков под крылом самолета. Я летел на Восток, к солнцу, катившему навстречу. В бесконечной синеве неба самолет казался невероятно маленьким – детской моделькой, а движение его – бессмысленным.

Подозрительно много весточек в последнее время... На днях получил подарок от Ильи, моего хорошего приятеля, живущего теперь в Сан-Франциско. Привез его высокий, плотного телосложения американец с рыжими и невероятно кучерявыми волосами. Мы встретились на «Профсоюзной». Он вручил мне небольшую, но увесистую коробку, дежурно улыбнулся и махнул рукой, не желая вступать в какие-либо разговоры. Я развернул упаковку и достал некий гибрид фотоальбома с рамкой. Две солидных – из цельных деревянных дощечек с металлическими окладами – обложки. В передней вырезан большой овал, служащий рамкой для фотографии, к задней – прикреплена складывающаяся подставка. Внутри между деревянными обложками – несколько прозрачных конвертиков для фото. Листаешь их – и на обложке в овале каждый раз новая фотокарточка. Получается многозарядная фоторамка... Вверху надпись «Friends». Действительно, friends... Илья всегда был с причудами – передавать из Сан-

Франциско в Москву, через какого-то неприветливого американца, пустой фотоальбом... Хотя бы свои фотографии туда вставил...

В связи с этим нелепым подарком от Ильи я вдруг вспомнил его рассказ о дяде-еврее, эмигрировавшем в Израиль и открывшем там прибыльный бизнес. Он шил недорогие флаги израильского государства для продажи палестинцам, которые использовали их для сжигания во время антиизраильских митингов и выступлений. Благодаря дешевизне его флаги пользовались большим спросом у палестинских демонстрантов и боевиков. Дядя исправно платил налоги, и получалось, что благодаря ему государство зарабатывало на фанатизме и пиромании своих врагов...

В тот же день, после встречи с американцем я съездил в частную галерею в ЦДХ, где выставлялись мои картины. Есть люди, смысл существования которых – добавлять несуразности в окружающую жизнь, и если вы находитесь среди них, то вам время от времени гарантированы недоразумения и мелкие неприятности. Такова Юля – администратор-искусствовед галереи. Естественно, как и все подобные существа женского пола, она разведена, и у нее есть ребенок. Она очень боится мышей, хотя ни разу в жизни не видела их вживую. У нее все получается, но только «почти». Она добрый человек, но ее доброте иногда хочется предпочесть зло. Однажды я сдуру переспал с Юлей, и она сразу реши-

да, что ее сын – от меня, хотя ему на тот момент уже стукнуло четыре года. Возможно, она имела в виду некую обобщенную ментальную связь поколений отцов и детей... Хотя ее Олежка был милым ребенком, белобрысым, с огромными голубыми глазами, в которых читались удивление и жажда познания огромного мира.

Юлина благосклонность часто помогала мне во многих профессиональных вопросах. Обычно я не отвергал ее помощь, но и никогда не злоупотреблял ею.

Когда я вошел в галерею, первым увидел Олежку. Он сложился по залу с сучковатой палкой в руке, и во всей его фигурке читалось: «я поиграл во все игры, какие только знает шестилетний ребенок, позанимался всем, чем только может позаниматься шестилетний ребенок, и я не знаю, что еще интересного мне теперь можно сделать в этом мире...». Юля сидела за столом в углу зала и разговаривала по телефону.

– Привет! – я махнул Олежке рукой.

– Привет! – тихо проговорил он, поднял свою палку и прокрутил ею в воздухе. Стоявшая рядом высокая и тонкая деревянная скульптура обнаженной девушки повалилась на пол, и от нее отлетела рука. Юля вскочила со стула и, положив трубку на стол, подбежала к скульптуре:

– Олег!!!

Мальчик бросил палку и разревелся.

– Эта скульптура стоит восемь тысяч долларов! – Юля то-

же была готова расплакаться. Она схватила отвалившуюся руку и прижала ее к груди.

– Ничего страшного. Главное – все живы, – я поднял деревянную девушку и вернул ее на постамент.

Ребенок продолжал реветь так, что закладывало уши.

– Олежка, тихо! – не выдержав, повернулся я к нему. – Че реवेशь? Не ударился же. И палки свои нечего раскидывать... Иди отнеси ее к маме в офис и положи где-нибудь на пол.

Мальчик послушно поднял палку. Деловые указания от старшего дяди и порученное задание отвлекли его, рыдания стихли. Он направился со своим разрушительным оружием в небольшой кабинет администратора.

– Он и там сейчас что-нибудь сломает... – Юля пошла за ним. Она еле сдерживалась, чтобы не надавать сыну тумаков.

Десять минут спустя мы втроем сидели в офисе. Юля с Олежкой на коленях заняли маленький диванчик. Я прилежал на неудобном старом стуле и рассматривал отломанную руку. Она откололась ровно по направлению древесных волокон.

– У тебя суперклея есть? Или «Момент»? – спросил я.

– Сейчас посмотрю, – Юля усадила Олежку на диван и открыла антикварный сундучок, выполнявший роль хранилища инструментов и всякой всячины.

– Это подойдет? – она достала две маленьких упаковки

старого китайского суперклея.

– Классно. Лишь бы не высохший был, – я разорвал картонно-пластиковую упаковку, открыл тюбик и выдавил немного желтовато-прозрачной жидкости – судя по виду, вполне годной.

Я принес в кабинет деревянную статую, примерил руку к светло-желтому округлому шраму – прикладывалась отлично, волокно к волокну, и даже шов был почти незаметен.

– Значит, ты считаешь, что моя выставка не провалилась? – взяв тюбик клея, я начал аккуратно (лишь бы не выдавить лишнего!) покрывать им место откола.

– Я не знаю, с чего ты вообще взял, что она провалилась, – Юля подвинула Олежку и села рядом на диван.

– Никаких продаж и договоренностей... Мало публики. Слабое освещение в СМИ. Как это еще назвать? – закончив смазывать клеем древесные волокна, я вернул статуе руку.

– Ты забываешь, что одновременно с выставкой в городе проходило еще до фига всего. К сожалению, так получилось... Мы ничего не могли сделать с датами. И с пиаром были проколы. Но это совсем не значит, что выставка провалилась. Учитывая все факторы, посещаемость можно назвать очень хорошей.

– Я понимаю. И не виню ни тебя, ни... Как его? Все время забываю, как зовут вашего нового директора.

– Леонид Анатольевич.

– Да, Леонида Анатольевича. Просто жалко упущенный

шанс, – я отпустил деревянную руку, которую прижимал в месте откола. Скульптура приняла прежний вид.

– Ты – гений! – Юля радостно вскочила с дивана и пригляделась к склеенному месту: – А будет держаться?

– Должно держаться – если только снова не ронять.

– Совсем не видно! Ты просто мой спаситель, Егорка... – Юля обняла меня и поцеловала в щеку. Олежка подбежал к маме и обнял ее ноги.

Я поставил скульптуру на место. Юля с Олежкой обошли ее вокруг.

– Классно, – снова улыбнулась Юля.

– Больше никаких палок в зале! – я с наигранной строгостью погрозил Олежке пальцем и повернулся к Юле: – Кстати, как новый директор себя ведет?

– Ну-у-у, – протянула она, и улыбка сошла с ее губ, – странноватый он. Иногда кажется, что какой-то недобрый. А иногда – наоборот... Вроде нормальный, даже смешной.

– Кого смешит – тебя или посетителей?

– По-разному, – усмехнулась Юля, – непредсказуемый он часто. Честно говоря, твои работы ему не очень нравятся.

– Какая разница... Ему-то главное – их продавать.

– По-моему, потому и не нравятся, что плохо продаются в последнее время... Может, я зря сказала... – Она вопросительно подняла брови и наморщила носик, – но я просто предупредить хотела.

– Неважно... – махнул я рукой, хотя на душе стало тре-

можно.

– Федоров две новых работы принес – хочешь посмотреть?

– Хочу.

Мы вернулись в кабинет, и Юля достала картины:

– Он пока просил их не выставлять. Обещал через неделю еще две принести, и чтобы мы тогда сразу все вместе вывели.

Я поставил картины на пол у стеллажей и отошел на максимально возможное расстояние к противоположной стене. Юля с Олежкой сели на диван.

Живопись Федорова мне всегда нравилась. Вроде бы обычный примитивизм, но есть и что-то особенное, притягивающее взгляд – в оттенках, в мазках...

– Мама, ты хочешь, чтобы дядя Егор стал моим папой? – услышал я шепот Олежки.

– Что за глупости?! С чего ты решил? – ответный, с наигранным возмущением, шепот Юли.

– Когда он приходит, ты все время вертишь головой.

– Я верчу головой?

– Мне он тоже нравится. А вообще-то, мам, я могу и без папы обойтись. Так что на этот счет ты не беспокойся...

Юля тихо рассмеялась.

Домой из ЦДХ я поехал не на метро, а автобусом. Пассажиров было немного. Я оглядывался по сторонам, смотрел

в окно. Люди в салоне были напряжены, время от времени переглядывались. По улице однообразным потоком спешили машины. Я вдруг ощутил, что этот мир абсолютно готов к своей смерти и каждый предмет в нем пропитан ожиданием конца. Настолько, что наверное никто не удивится, если пресловутый конец света наступит в следующую секунду...

Потом в глубине автобуса, за чьими-то плечами, я увидел девушку с длинными распущенными волосами. У меня внутри похолодело, стало как-то тревожно и тоскливо. В следующее мгновение я понял, почему. В голову пришла странная мысль, что мне очень сложно – практически невозможно – приблизиться и, тем более, познакомиться с идеально красивой девушкой. В моем мировосприятии настоящая красота недоступна, она всегда остается на определенном расстоянии, неуловимой. Как предел в математике – к нему можно только стремиться, но невозможно достичь. А если вдруг достигнешь и схватишь красоту, то нарушишь в ней что-то важное, ее внутренний баланс и гармонию. От чужого прикосновения она потеряет свою самость, в которой была красотой.

Встретившись со мной взглядом, девушка отвернулась. Через две остановки я вышел.

В Алма-Ате было тепло, даже, можно сказать, жарко. Середина сентября здесь вполне еще может сойти за лето – за август или даже за июль... Из аэропорта я направился прямо к маме домой. Если ее увезли в больницу, то соседи, с которыми мама поддерживала дружеские отношения, должны знать, в какую именно...

Старый двор – двор моего детства, «сталинский» трехэтажный дом. Ностальгия накатывает волнами – одно воспоминание за другим. Восстановление связи между видимым забором, старой детской площадкой и ощущением целого мира, целой жизни, которая когда-то незримо, но так прочно была к ним привязана...

Я поднялся на второй этаж и уже собирался было позвонить в дверь маминой квартиры, но вдруг услышал доносящуюся оттуда музыку, смех, громкие веселые разговоры. Я замер в недоумении, и палец мой завис в пяти сантиметрах от звонка. «Сильно заболела». Уже выздоровела или веселится кто-то другой? Я резко и нервно надавил на кнопку звонка.

Дверь открыла мама. Нетрезвая, веселая, с накрашенными губами и подведенными тушью глазами:

– Егорушка, сынок! Откуда? – она бросилась мне на шею,

и мы крепко обнялись. – Глазам не верю! Звонок – думаю, кто бы это мог быть? Вроде все уже здесь, больше никого не жду. А тут – мой Егорушка!

– Мам, а как же телеграмма?

Мы продолжаем обниматься, и мама не слышит:

– Проходи скорее, что же мы на пороге все... У меня как раз гости сегодня.

Мне тепло и хорошо, я пьянею от маминых объятий, от запаха дома, от вида знакомых стен и мебели, но внутри острый холодок: «А телеграмма?»

Все повторяя: «Это Егорушка, мой Егорушка неожиданно приехал», мама провела меня в прихожую, где нас встретили две маминых подруги и невысокого роста мужчина с широкой улыбкой и хитроватыми глазами. Он энергично протянул мне руку:

– Ну здравствуй. Рад, очень рад познакомиться. Вот ты какой, оказывается...

Я пожал его потную ладошку:

– Здравствуйте.

– Это Евгений Иванович, о котором я тебе писала, – мама положила руку на плечо мужчины.

Да, конечно... Мамин «друг» и ухажер.

– Пойдем скорее за стол. Ты, наверное, голодный с дороги. Иди мой руки. Или, может, в душ хочешь?

– Мам, на минутку... – я увожу ее на кухню. – Ты же телеграмму мне прислала, что болеешь?

– Телеграмму? – пришло время удивиться маме. – Какую телеграмму? Зачем?

– О своей болезни.

– Мой гастрит, что ли? Так сейчас ничего, нормально. Телеграмма? Я ничего не посылала. Может, ошибка какая-нибудь? Ну ладно, это сейчас неважно. Главное, что ты приехал. Мой руки, и пойдем скорее за стол.

Жюльен, холодец, маринованные огурчики, карбонат, колбаска, сырное ассорти, оливье, сельдь под шубой, греческий салат. Все это так... Ерунда... Только разминка, чтобы «нагулять аппетит» перед основным блюдом – отбивными в сметанном соусе с картошкой. Мама любит готовить, и готовит необыкновенно вкусно. Ко всему этому великолепию я налил себе холодной водки. Широко улыбаясь, Евгений Иванович протянул мне навстречу свою стопку.

Гостей было семь человек. Две подруги с маминой старой работы, которых я хорошо знал: Жанна Абулхаировна и Сауле Нурболатовна. Евгений Иванович. Соседка Ирина Владимировна. Еще двух мужчин и одну женщину я не знал. По их разговорам я понял, что это мамыны коллеги по новой работе.

Полтора года назад мама ушла с государственной службы и устроилась в частную фирму. Более того, в фирму иностранную – в представительство американской фармацевтической компании. На невысокую должность – офис-менеджера, но зарплата ее, по сравнению с прежним местом рабо-

ты в мэрии, выросла более чем в три раза. Кроме того, на госслужбе ей, как русской, работать становилось все труднее. Беспокоили постоянные слухи о переводе делопроизводства на казахский язык (маме, кроме освоенного еще в студенчестве английского, языки давались с трудом). К тому же в последнее время начальство все активнее проталкивало на все – и важные, и неважные – должности своих многочисленных родственников, и из Алма-Аты, и из провинции. Мама решила не ждать, когда ее начнут подсидживать или намекать на предпенсионный возраст, напоминая о необходимости давать дорогу молодым... Перейдя же на новую работу, она только выиграла.

– Еще оливье? – ухаживала за мной Жанна Абулхаировна. – Так вырос – я бы тебя и не узнала. Мужчина уже, не мальчик.

– Нет, спасибо. Обьелся уже с непривычки.

– В Москве-то так не кормят... – рассмеялась она. – А мои ведь тоже все разъехались. Дамир в Астану уехал работать. Асия в Америке учится по болашаковской программе¹. Только Ербол в Алма-Ате остался, слава Богу. Ты ведь Ербола помнишь?

Станным он был мальчиком. Очень любил на воду смотреть.

¹ Казахская государственная программа, по которой выделяются кредиты для получения высшего образования за рубежом.

– Конечно. Хорошо его помню.

– Ну ладно, ты кушай, а я пойду потанцую, – Жанна Абулхаировна не смогла устоять, услышав мелодии итальянской эстрады восьмидесятых годов. На небольшом свободном пространстве комнаты уже танцевали мама с Евгением Ивановичем и мамыны новые коллеги.

Я сунул в рот кусок мяса, закусил маринованным огурцом и незаметно вышел из комнаты.

5

– Алло? Ты меня слышишь? – я стоял на лестничной площадке и пытался дозвониться до Паши. Линия обрывалась в третий раз.

– Да, Егор, слушаю, – наконец невозмутимый и обыденный голос.

– Здорово. Как дела? Тебя не забрали?

– Кто? А, те мудаки... Смеешься, что ли? Все нормально. Андрей Филиппович развел. Пришлось немного отстегнуть, конечно. А так фигня, забудь.

В трубке раздался хлесткий смачный звук.

– Алло, Паш, что такое?

– Таракана приклепнул. Сука, разгулялся...

– Ты дома, что ли?

– Ага. Как у тебя все? Как долетел?

– Долетел нормально. Одна проблема: мама не послала ту телеграмму.

– В смысле?

– Так – не послала.

– А кто послал?

– Не знаю.

– Может, ошибка какая-нибудь?

– Там все правильно стояло – мой адрес, фамилия. Такое ощущение, что кому-то нужно было, чтобы я уехал из Моск-

вы. Я боюсь, не с квартирой ли это подстава? Людмила Юрьевна – надежный человек?

– Хм... Надежный... Насколько я знаю...

– У меня к тебе просьба: можешь через свои контакты пробить, откуда и от кого на самом деле пришла телеграмма – из Алма-Аты или Москвы?

– Можно попробовать... Думаю, для меня пробьют.

– Спасибо, Паш. Я буду ждать от тебя информации. А сам постараюсь как можно скорее в Москву вернуться. Хотя мы с мамой почти три года не виделись. Я не могу так сразу уехать...

– Да, понимаю. Я позвоню.

– Спасибо. Пока, – я отключил телефон и вернулся в квартиру. Мама продолжала танцевать с Евгением Ивановичем под «Рикки и Повери».

После танцев Евгений Иванович подошел ко мне.

– Ну как, хорошо дома? – широко улыбнулся, и казалось, что улыбались не только губы, глаза, лицо, но даже и округлая лысина. Если играть в ассоциации и выбирать геометрическую фигуру, максимально соответствующую внешности Евгения Ивановича, то это, несомненно, будет круг. Говорил он негромким, очень мягким голосом.

– Конечно, хорошо, – ответно улыбнулся я.

– Я тоже так думаю... Тебе, как художнику, важно видеть мир каждый раз по-новому, в новых цветах... – судя по все-

му, пьяненький и добродушный Евгений Иванович был настроен на приятно-философскую беседу. – Каждый раз находить новые ответы на, по сути, один и тот же вопрос: а зачем все? Все это? – он обвел руками окружающее. – Задаешь ведь себе такой вопрос?

– Бывает, конечно, – согласился я.

– Многих почему-то этот вопрос повергает в депрессию, – продолжал Евгений Иванович, – начинают жаловаться, что все бессмысленно, и зачем вообще тогда жить, и не лучше ли сразу повеситься или утопиться... А мне, наоборот, хорошо. Да, допустим, бессмысленно все – ну и пусть... – махнул он своей небольшой полной ручкой. – Может, если бы существовал смысл, то вдруг он оказался бы каким-нибудь отвратительным и страшным... Так пусть уж лучше его не будет. Почему бы и не жить без смысла? Сидишь, бывало, вечером в своей комнате, пьешь чай, музыку слушаешь. Хорошо. Подумаешь: а зачем все это? К чему эта хорошость? Да просто так. Хорошо, и все. Почему бы и нет? Все равно ведь все проходит... И хорошость эта пройдет, так почему бы не порадоваться ей сейчас?

– А вы эпикурец... – улыбнулся я.

– Да, наверное, – Евгений Иванович погладил лысину и вдруг в одно мгновение погрузился, то ли задумавшись, то ли вспомнив что-то.

К одиннадцати часам вечера гости разошлись. Мама при-

нялась за мытье посуды. Я встал рядом с ней помогать – протирать полотенцем мытые тарелки и стаканы, складывать их в буфет.

– Не знаю, что это за история с телеграммой... Но тебя ко мне Божья воля прислала, – мама протянула мне хрустальные фужеры, с которых крупными каплями стекала вода.

– Какая «Божья воля», мам... – с усмешкой проговорил я.

– Я же молилась об этом все время. По два раза на день молилась, – мама замолчала, потом продолжила: – Я так счастлива была последнее время... Только тебя мне не хватало.

Поставив сухие фужеры на стол, я обнял ее за плечи и поцеловал в щеку. Она пожала мою руку:

– Знаешь, мне только сейчас по-настоящему захотелось жить...

– Да, Евгений Иванович мне показался хорошим человеком.

– Не только это... С возрастом исчезли глупые несбыточные желания, навязчивые мысли. Стала яснее понимать, чего действительно хочется в жизни. Что уже сделано, что еще можно и нужно сделать, а чего уже в любом случае не успеть... Знаю, без чего вполне могу обойтись, и что можно без сожаления отбросить... Кстати, – мама резко обернулась ко мне и радостно улыбнулась, – я же не показала тебе самое главное! – она взяла меня за руку и повела в спальню.

– Нет, подожди, – остановилась перед дверью. – Войдешь,

когда скажу.

Я ожидал все, что угодно, но только не это...

Войдя в спальню, я увидел ее стоящей в центре комнаты в блестящем – то ли из парчи, то ли из шелка – белом свадебном платье и белых же перчатках до локтя.

– Мы будем венчаться с Евгением Ивановичем, – мама улыбалась смущенной улыбкой невинной восемнадцатилетней девы... – Нравится? – она развела в стороны руки, повернулась налево, потом – направо.

– Да, конечно, – я придал своим словам максимально возможную в данной ситуации уверенность.

– Правда, мы еще не решили, когда. Но обязательно венчаться, – мама поправила у локтя перчатку. – Может, если мы с твоим отцом были повенчаны в свое время, он не ушел бы от нас тогда...

Постель для меня была разложена на диване в гостиной. Я собирался раздеться и лечь спать, но мама входила и выходила из комнаты, убирая в шкаф хрустальную посуду.

– Стесняешься меня, что ли? – вдруг усмехнулась она. Я смущенно улыбнулся. Мама подошла ко мне и обняла: – Вот дурачок. Такой большой вырос, а ума не прибавилось...

Рассмеявшись, я тоже обнял ее.

– Все, закончила. Больше не буду тебя смущать, – с мнимой серьезностью, пряча улыбку, проговорила она, – тоже пойду спать.

Поцеловав меня в щеку, она ушла в спальню. Я разделся и лег в постель. Спать не хотелось. Я то закрывал, то снова открывал глаза, смотрел на блики уличных фонарей и тени на стенах комнаты. Из спальни послышался тихий шепот, в котором можно было разобрать только повторяющееся «Господи» – мама молилась.

Я еще долго ворочался в постели, но потом наконец заснул. Но как только я погрузился в параллельную реальность сна, что-то тревожное и пугающее поднялось с глубины, разрушая окружающее.

– Ты слышишь? Егор? – испуганный шепот мамы. – Егор?

Я проснулся. Рядом с диваном стояла мама:

– Какой-то свист на улице. Не прекращается. Я боюсь...

Послушай.

Действительно, слышался какой-то неуверенный, прерывистый свист. Я встал с постели и вышел на балкон. Кроме свиста доносились еще как будто отдаленные хлопки в ладоши, но откуда шли эти звуки, различить было невозможно. Балкон выходил во двор, который сейчас казался абсолютно пустынным.

– Мам, ну чего ты испугалась, – обернулся я к ней, – это может быть что угодно... Сколько сейчас времени?

– Полвторого.

– Пьяные где-нибудь дурью маются. Или птица какая...

Чего бояться-то?

– Сама не знаю... Но тревожно на душе. И почему так

долго? Почему не прекращается? Я хочу заснуть, а они все свистят и свистят...

Словно в ответ ей свист оборвался.

– Видишь – прекратили, – улыбнулся я, – давай спать...

– Хорошо... Спокойной ночи, – мама ушла в спальню. Я лег в постель, и теперь снова не мог заснуть. Прислушивался к звукам за окном, скрипу мебели в комнате. В груди появился какой-то холодок.

6

Утром мама решила, что мы должны сходить в церковь – сразу после завтрака («а на работу я позвонила и отгулы взяла»). Я надел майку и джинсы (на градуснике за окном – тридцать два!), натянул кроссовки и открыл входную дверь:

– Я на улице подожду.

Мама вошла в прихожую:

– Подожди здесь. Куда торопишься? Ты что, в этой майке пойдешь? Неприлично же. В церковь все-таки идем, а не на пляж...

– Тесно здесь вдвоем. Я рубашку еще сверху накину, – взяв с вешалки легкую клетчатую рубаху, я вышел на лестничную площадку. Спустившись во двор, достал телефон и набрал Пашин номер. Длинные гудки, какой-то «кляц», потом опять длинные гудки, и наконец хриплый Пашин голос:

– Алло.

– Паша, привет! Как дела?

– Здорово. Сплю еще.

– Извини. Новостей насчет телеграммы нет?

– Когда бы я тебе пробивал? Здесь еще девяти нет. Я же сказал: как узнаю что-нибудь – сам позвоню.

– Хорошо. Извини, что разбудил. Пока.

– Пока.

«Кляц-кляц».

Я оглядел двор. Он изменился за время моего отсутствия. Новая, вся цветастая и яркая, детская площадка – из металла и пластика. За ней у забора – остатки старой – деревянной. Ее установили, когда мне было лет десять, так что я еще успел покататься на ее качелях и полазить по горкам и лестницам. Сейчас от нее остались только два резных столба, да развалины песочницы.

Я подошел к столбам, погладил шероховатую поверхность и резные узоры одного из них. Какое-то тепло и энергия возникли между старой, но крепкой и сухой древесиной и моей ладонью. Хотелось держать и гладить это дерево долго; очень долго. Я подумал о том, что человек способен на нечто огромное, на нечто несоизмеримо большее, чем то, что он делает, видит и чувствует каждый день. Только он сам не знает, на что именно. Может, поэтому человек представляет себе абстрактного Бога, как это нечто великое, к чему стремится, но не может осознать. Бог нужен человеку, чтобы в Нем находить свое стремление и способность к большему.

– Егор!

Я обернулся. Мама шла к выходу со двора и махала мне рукой:

– Пойдем, хоть к концу службы успеем.

Мы подъехали к церковному двору на такси. Мама быстрыми уверенными движениями раздала нищим приготовленную заранее мелочь, и мы вошли в церковь. Она три раза

перекрестилась перед входом в церковь и три раза после того, как вошла внутрь. Я шел за ней, не крестясь: я не верующий и даже не крещеный.

Служба подходила к концу. Остановившись недалеко от входа, я разглядывал иконы и роспись на стенах. Мама прошла вперед, ближе к бабушке, потом вернулась ко мне:

– Иди посмотри, на прошлой неделе привезли мощи Святого Серафима. – Она потянула меня за руку к северным воротам. Около них в стенной нише стоял ковчег со стеклянной крышкой.

– Посмотри, кожа совсем не истлела – потемнела только, и даже волосы на коже видно, – тихо умилялась мама, разглядывая через стекло мощи. Потом перекрестилась и поцеловала стекло. – Посмотри...

– Мам, я не хочу, – в моем голосе нотки раздражения.

– Ну как хочешь. Его красноармейцы расстреляли в горах в двадцатом вместе с Феогностом.

Отдаленно слышалось классически бодренькое «Sehnsucht» в исполнении Rammstein. Я невольно повернул голову. В церковь вошел не то металлист, не то панк – парень лет двадцати в рваных джинсах с металлическими заклепками, рваной майке и ботинках «милитари». Длинные волосы до плеч, в левом ухе – три сережки. Из наушников, спущенных на шею, несло ритмичное «Sehnsucht!» и гитарные запылы. Мама, увидев рокера, испуганно попятилась ко мне. Зло зашипели старушки, но парень, не обращая ни на ко-

го внимания, прошел к образу Спаса Нерукотворного, помолился, перекрестился, потом, продолжая креститься, подошел ближе к аналою. Священник посмотрел на рокера, потом как-то виновато опустил глаза и отвернулся.

– Ты еще говоришь, что я неприлично оделся, – с улыбкой шепнул я маме.

– Ну это вообще срам, прости Господи. Как таких только в церковь пускают... Я поговорю с бабушкой. Что за непорядок...

Служба закончилась, и священник, словно прячась от взгляда рокера, торопливо скрылся в ризнице. Возмутитель всеобщего спокойствия вышел из церкви, вслед за ним – мы с мамой. За оградой церковного двора парень сел на мотоцикл и уехал.

Яркое алма-атинское солнце... Я невольно прикрыл глаза рукой.

– Почему ты не хочешь покреститься? – вдруг резко повернулась ко мне мама.

– Мам, давай только не будем начинать эту тему...

Конечно, я ожидал этого разговора, но все равно застигнут врасплох...

– Но почему? Помнишь, ты однажды подростком вдруг сам захотел пойти в церковь. Тогда ведь я сама еще некрещеная была, и даже не думала ни о чем таком. А ты сам, по какому-то внутреннему устремлению, пошел в церковь, и так

был там впечатлен, что раздал нищим все деньги, что я дала тебе на новые джинсы...

Такая история действительно имела место. Девятый класс школы. В моем кармане семьдесят советских рублей – большая по тем временам сумма! Лик Христа на потолке храма. Лики святых. Голубой и белый цвета росписи. Картины страдания и умиления. Картины смирения. Я хожу по храму, смотрю – и не могу насмотреться; пытаюсь впитать в себя все. Выйдя через час из церкви, вижу нищих на паперти. «Господи, я живу, не думая и не заботясь ни о чем, а другим людям не хватает денег на хлеб», – в секунду проносится у меня в мозгу. Я достаю из кармана деньги – пятерки, десятки, одну двадцатипятирублевку – и раздаю все. Двоим нищим денег не остается. «Почему у меня такие крупные купюры?!» – давит досадливая мысль. Благообразный бородастый старичок, которому не досталось денег (хороших денег – не мелочи, а бумажных купюр), со вздохом отворачивается. Нагловатая женщина лет пятидесяти презрительно оглядывает меня с ног до головы и тоже отворачивается. «Почему у меня нет больше денег?!» – внутренний вопль, обращенный к небесам. Пристыженный, я выхожу с церковного двора – того же церковного двора, из которого мы сейчас выходим с мамой.

– Да, мам, но я уже давно не подаю нищим.

– Я не об этом. Просто в тебе всегда было какое-то особое чувство... – мама берет меня под локоть.

– Было. Но теперь нет. Мне жаль Иисуса. Но мне точно так же жаль и любых других мучеников, погибших за свои идеалы... Не более того.

– Посмотри, как хорошо в церкви. Свечи горят. Ладан. Исповедуешься, причастишься – словно заново родишься. Ну а как не умиляться и не радоваться, если знаешь, что теперь душа твоя спасена.

– Я не хочу спасать себя. Это эгоистично.

– Что за глупости! С тобой нельзя нормально разговаривать! Все в какую-то софистику уводишь, – сердится мама.

Почему так быстро проходит детство? Юность? Молодость?

Черт возьми, почему так быстро?! Так невероятно быстро?!

Я сидел перед открытым ящиком письменного стола. Школьные и студенческие фотографии. Старые кассеты «Кино» и «Наутилуса» (интересно, будут ли они еще крутиться в магнитофоне или уже нет?), перочинный ножик, брелоки (каждый из которых имел когда-то определенное символическое значение), серебряный портсигар, в котором когда-то много чего пряталось – от анаши до самиздатовских копий репортажа о декабрьском восстании восемьдесят шестого года. Старый кассетный плеер. Значки «Битлз». Тетрадь с рисунками, сделанными простым карандашом. Этот мир кажется невероятно гармоничным и полным в своей законченности. Только я ему уже не принадлежу. Сейчас я – особое, отдельное от него существо.

– Слушай... Пока еще не забыла... – в комнату вошла мама. – На днях Алексей звонил, твой школьный друг, помнишь?

– Леха?

– Милый такой мальчик, – продолжала мама, – меня до сих пор по имени-отчеству помнит.

– Помню, конечно. Позвоню ему сегодня.

Мама развернулась, чтобы выйти из комнаты, но вдруг остановилась:

– Слушай, тебе действительно Евгений Иванович понравился?

– Да, вполне. По-моему, хороший человек. Расскажи о нем подробнее.

– Ну... – вдруг замялась мама, – это долгий разговор. Давай вечером... Я очень рада, что он тебе понравился.

Паша не звонил. Мамин будильник с большими холодными электронными цифрами показывал «14:45».

Нужно уметь терпеть. Нужно учиться терпеть...

Я набрал номер Алексея Звонарева. Как и многое другое в последние два дня, цифры номера всплывали откуда-то из глубин памяти уверенно и быстро – как поплавок из воды.

– Алло, – размеренный голос на том конце линии.

– Леша, привет! Это Егор Харламов. Я вчера с Москвы приехал.

– О, здорово! Не может быть... Вспомнил, значит, старых друзей... – Лешин голос потек самодовольным сладким медом.

– Как жизнь? Что нового?

– Нормально все, потихоньку. Да что по телефону говорить... Приезжай в гости.

– Когда, прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Что резину тянуть...

На дверях подъезда, в котором жил Леша, оказался домофон, но мне повезло – из дома вышел пожилой мужчина, и я успел перехватить за ним ручку тяжелой двери. Вошел внутрь и остановился. Две лестницы с бетонными ступеньками. Одна – вверх, ведущая к квартирам. Другая – вниз, ведущая в подвалы. На этой лестнице, ведущей в подвалы, когда-то убили человека. Мы с Пашей прибежали к Лешкиному подъезду посмотреть на труп еще до того, как приехала милиция. Мужчина лет сорока полулежал-полусидел на ступеньках. Кровь стекала вниз и собиралась в большую лужу около подвальной двери. Крови было невероятно много – не верилось, что столько может вытечь из одного человека. Потом говорили, что это убийство так и не смогли раскрыть. Ходили слухи, что убитый был другом Белого Бека, известного вора в законе, с которым они не поделили деньги.

В подъезд заскочила молодая девушка и пробежала мимо, оставив за собой шлейф прекрасного аромата. Легкую смесь апельсина, яблока, ландыша, табака, чего-то и чего-то еще. Я не успел ее разглядеть. Только повернул вслед голову и двумя тревожными вдохами вобрал в себя сладкие молекулы парфюмерных паров. Где-то вверху хлопнула дверь.

Поднявшись до Лешиной квартиры, я нажал кнопку звонка. Никто не открыл. Я оглянулся на площадке (не перепутал ли квартиру или этаж после стольких лет?), зачем-то по-

смотрел вниз на лестничные пролеты. Снова протянул руку к звонку, но за секунду до того, как мой палец опустился на коричневую кнопку, дверь открылась. Меня встретило все то же сладкое облако аромата и раммштайновское «Ich will» на заднем фоне (Алма-Ата превратилась в город германофилов-металлистов?).

– Вам кого?

Мне приходится вынырнуть из эйфории запаха к его обладательнице. Передо мной тоненькая девушка лет восемнадцати со светлыми волосами. Невероятно красивая. Чтобы начать говорить, мне требуется усилие:

– Здравствуйте.

– Привет. Так кого?

– Алексей здесь живет?

Девушка широко распахнула дверь:

– Проходи... – и после паузы, – ...те.

В прихожей показался Леха, бодрым шагом подошел ко мне:

– Здравствуй-здравствуй! – несколько церемонно обнял.

– Привет! – я ответно похлопал его по плечу.

– Как говорится, не ждали... Ты че не проходишь? Наташка в дверях держит?

Он обернулся к девушке:

– Это – Егор, мой одноклассник.

Та равнодушно пожала плечами.

– Наташа – моя двоюродная сестра, – представил мне де-

вушку Леха, – учиться приехала... Из деревни, – рассмеялся он.

– Вот дурак... – вздохнула Наташа и направилась в свою комнату.

– Не хами старшим... И сделай свой музон потише. Сколько раз говорить!

«Rammstein» за хлопнувшей за Наташей дверью заиграл еще громче. Мы с Лехой прошли в его комнату.

Я достал из сумки коньяк, два лимона и большую бутылку «Колы».

– Ого... Солидно... А я в завязке, – с улыбкой отреагировал Леха.

– С чего это?

– Дела, работа, машина... Я же если начну, то останавливаться не умею... Так что завязал полностью. Уже полгода как.

– Круто... – уважительно кивнул я. – Ну я тогда тоже не буду.

Леха принес чайник, разлил по чашкам чай:

– Ну рассказывай...

– Ты рассказывай... – усмехнулся я. Мы чокнулись чашками с чаем.

– Давно не виделись, – улыбался Леха. – Ну что, раскрутился в Москве?

– Да я особо и не раскручивался.

– Ладно скромничать-то... Как всегда, самый скромный в классе, – Леха отломил кусочек шоколадки и отправил его себе в рот.

– Нет, в самом деле, – я тоже потянулся к шоколадной плитке.

– Чем занимаешься-то?

– Картины пишу.

– Какие картины? – удивился Леха.

– Я художник.

– Да брось... Мне твоя мама говорила, что ты там коммерцией занялся, преуспевающий бизнесмен теперь.

Я удивился, а потом – когда понял – рассмеялся.

– Ну мама... А ты ей что про себя сказал?

– Сказал, как есть – что бизнесом занимаюсь.

– Все понятно тогда... Родительское тщеславие...

– Художник, значит?! – Леха разочарованно выдохнул, глотнул чаю, но тут же натянуто осклабился: – Ну уморил... Художник... Теперь я знаю, кто у нас в школе все туалеты похабными картинками разрисовывал...

Оценив шутку, я улыбнулся. Алексей вздохнул:

– Да... А мне сейчас как раз бабки позарез нужны. Слушай, можешь по старой дружбе занять тысяч двадцать из гонораров художника? На полгода. Через полгода с процентами отдам.

– Были бы – без процентов тебе занял. Но сейчас нет.

– Ну, понимаю... – с еще большим разочарованием про-

тянул Леха. – А хотя бы десять? Под хороший процент... Тем более ты меня знаешь – все надежно, никакого кидалова.

– У меня и десяти нет, Леха. Извини.

– Понимаю, – Леха отпил чай из чашки. – Да... А мы тут крутимся, выживаем. Баха сейчас на винно-водочном работает, представляешь? – усмехнулся он. – Серик в министерство финансов подался. Я, правда, все по мелочи пока.

– Слушай, а математические головоломки до сих пор разгадываешь? – вдруг спросил я.

– Да, – настороженно посмотрел на меня Леха, – откуда знаешь?

– Просто спросил... – улыбнулся я.

– А... Ну да, – настороженность сменилась на самодовольство, – решаю. Правда, сейчас над одной бьюсь, и пока никак не получается. Слушай: мужик приходит в магазин, спрашивает: «Сколько просите за один?» Продавец отвечает: «Двадцать рублей». – «А за двенадцать?» – «Сорок рублей». – «Ну дайте сто двадцать...» – «С вас шестьдесят рублей». Какой товар продавали в магазине?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Ты же помнишь, у меня с математикой всегда плохо было.

– Ну да, – согласился Леха, – я со своим Ай Кью сто шестьдесят – и то не могу разгадать...

Он отпил чай. Я тоже поднес чашку к губам. Мне казалось, что наш разговор превращался в обезвоженную пусты-

ню; чай каким-то парадоксальным образом хотя бы на мгновение утолял жажду и спасал беседу от полного иссушения.

Через полчаса мы вышли из комнаты.

– Ты заходи, – хлопнул меня по плечу Леха. – Посидим, чай поьем. Я Бахе с Сериком позвоню – может, они подтянутся.

– Созвонимся, – согласился я, натягивая на ноги кроссовки.

– Давай, счастливо! – протянул руку Алексею. Неожиданно открылась дверь Наташиной комнаты, и на пороге показалась ее хозяйка – в розовом топике с надписью «Fuck Galmour» и голубых рваных джинсах.

– Ты куда собралась? – резко спросил ее Леха.

– У меня еще одна пара сегодня.

– Ну ладно, – Леха с извиняющимся видом повернулся ко мне. – Разболталась тут без родителей...

Наташа бросила на него презрительный взгляд и не удостоила ответом.

– Можно тебя... – Леха взял Наташу за локоть и потянул в ее комнату. – Егор, извини. Подожди секунду.

Из-за закрытой двери послышались тихие раздраженные пререкания. Я безразлично прислонился к стене. Через минуту брат с сестрой вышли из комнаты, оба злые и недовольные.

– Счастливо. Звони, – протянул мне руку Леха. – Извини,

если что не так.

– Пока, – я пожал руку и вышел из квартиры.

Наташа обогнала меня и, не сказав ни слова, засеменяла вниз по ступенькам, снова оставляя за собой длинное легкое облако нежного аромата. Мне захотелось ее окликнуть, но она уже проскочила два лестничных пролета. Как быстро умеют нынче передвигаться в пространстве молодые девушки... Я ускорил шаги, перепрыгивая через ступеньки. Если успею догнать ее до выхода из подъезда – заговорю и приглашу в кафе... Внизу хлопнула подъездная дверь. Или эта девушка невероятно быстра, или я невероятно медленен. Может быть, я просто уже слишком стар, и это всего лишь иллюстрация разрыва между поколениями? Я остановился, сел на ступеньки лестницы. Хотелось курить (я бросил два месяца назад).

Ладно... Я видел и слышал ее; я вдохнул в себя ее аромат. Значит, она уже принадлежит мне – хотя бы немного.

Поддавшись какому-то внутреннему импульсу, я вдруг встал со ступеньки и направился вниз. Открыл дверь подъезда и вышел на улицу.

– Я уж подумала, что ты упал на лестнице и раскроил себе череп, – на скамейке перед подъездом сидела Наташа и курила тонкие дамские сигареты – по-моему, «Вог».

– Не упал. Просто сел на ступеньки и посидел немного...

– Да, на лестнице прикольно сидеть... – мечтательно протянула Наташа. – Будешь? – достала пачку «Вог».

– Спасибо, – я вытянул тоненькую сигаретку и сел рядом с ней на скамейку. Наташа выудила из рюкзака зажигалку. «Чирк-чирк».

– Что-то не складываются у вас отношения с братом... – затаившись слабой сигаретой, то ли спросил, то ли охарактеризовал ситуацию я.

– Он мне не брат.

– Как? Он сказал...

– Двоюродный – не считается. Да и какие могут быть отношения с таким придурком... Вы с ним друзья?

– ...Одноклассники, – после паузы ответил я.

– Мы с ним раньше тоже дружнее были, – Наташа затушила сигарету и откинулась на спинку скамейки. – Это в последнее время у него крыша куда-то едет.

Ни я, ни Наташа не могли предположить, что в тот момент Леха чистил свой «Макаров» – просто, для удовольствия.

– Соврала ему, что нужно на пару ехать?

– Нет. Сейчас поеду. Просто захотелось посидеть на скамеечке и покурить.

– Где ты учишься?

– В академии искусств, на дизайнера.

– Прикольно. А я художник.

– Знаю. Лешка мне сейчас сказал. Где выставляешься?

– В московских галереях, в Питере. Недавно в Брюсселе

выставка закончилась.

– Круто... Можно твои работы посмотреть? А я тебе свои покажу. Если интересно, конечно...

– Поехали в Москву – посмотришь... – улыбнулся я.

– Ага, на пару схожу – и полетели, – поддержала шутку Наташа.

– А твои работы очень интересно посмотреть, – я затушил быстро скуренную сигарету.

– Договоримся как-нибудь. Ладно, мне на пару пора, – Наташа поднялась со скамейки.

Я бродил по городу своего детства и вспоминал, как он выглядит. А выглядел он совсем не как город моего детства. Новые сверкающие высотки, новые сверкающие магазины – там, где, казалось, раньше их невозможно было себе представить. Бесчисленные и бесконечные оградительные заборы строек. Машины, машины, машины – в количестве, которое тоже когда-то невозможно было вообразить. По-моему, на квадратный километр их здесь ехало, стояло в пробке, сигналило и было припарковано гораздо больше, чем в Москве...

Между машинами ходили мужчины и женщины, дети и старики. Людей здесь было меньше, чем в Москве, но каждый точно так же нес куда-то свою заботу.

Я спрятался от всех новостроек, нововведений и транспорта в небольшой сквер за старым Домом правительства,

в котором теперь располагался Казахстанско-Британский Технический Университет. В сквере было много студентов – сидевших на лавочках и на траве небольшими группками, спрятавшихся парами среди деревьев и кустарника. Опять хотелось курить – зачем я взял ту сигарету у Наташи?!

Раздался звонок мобильного телефона. На экране – неизвестный московский номер. Я нажал на зеленую кнопку и поднес трубку к уху:

– Алло.

Напряженная тишина пространств.

– Алло! Вас не слышно. Говорите громче.

Тишина.

Я прервал звонок и набрал Пашин номер. На том конце – его невозмутимый голос.

– Егор, привет.

– Здорово, Паша. Не звонил мне сейчас?

– Не-а.

– Понятно. Есть что-нибудь насчет телеграммы?

– Занимаюсь вопросом, Егор, занимаюсь. Позвоню сразу, как что-нибудь будет.

На том конце линии у Паши что-то попискивало, трещало и вроде как хихикало. Как именно он занимается вопросом – представить было трудно.

– Спасибо, Паш. Извини, что беспокою тебя с этим все время. Просто волнуюсь.

– Ничего, не волнуйся.

– Хорошо. Пока.

– Пока.

Прошло два с половиной часа с того времени, как я проводил Наташу до маршрутки. Теоретически она уже должна была вернуться домой. «Вот идиот – почему сразу не взял номер ее мобильного...» Я набрал домашний номер Лешки.

– Алло, – Лехин голос.

Я не хотел ничего говорить.

– Алло, Виталик? Виталик, хватит мне мозги трахать. Я все отдам, сказал уже. Хватит давить на меня! – он бросил трубку.

Судя по всему, не возвращать долги было для Лешки традицией...

Я вернулся домой к ужину. Мама пожарила картошку – мое любимое блюдо. Так вкусно, как она, картошку никто не умеет жарить. Кроме картошки добавить небольшое количество моркови, чуть больше лука и немного – совсем немного – сала.

Мы сидели за старым небольшим кухонным столом, под который я когда-то еще пешком ходил. Только не помню этого.

– Мам, расскажи о Евгении Ивановиче.

– Да что о нем рассказывать? – несколько потерялась мама.

– Кто он, чем занимается, какие у вас планы на будущее? Почему у него нет семьи?

Вдыхая неповторимый аромат жареной картошки – аромат, лучше всего выражающий ощущение уюта – я наколот на вилку соленый огурец.

– Так уж судьба распорядилась, что семьи нет...

– Он алма-атинец?

– Сейчас – да.

– В смысле? А раньше?

– Раньше куда его только не закидывала судьба, – мама задумчиво ковыряла вилкой картошку.

– А в Алма-Ату откуда приехал?

– Из Таджикистана. Как война там началась...

– Гражданство-то у него какое? По паспорту? – я поглощал пищу все задумчивее.

– Нет у него паспорта...

– Как это? – у меня появились нехорошие предчувствия. –

Потерял, что ли?

– Нет, почему «потерял»?.. С тех пор, как в тюрьме сдал, так и нету.

– В тюрьме?! – я положил вилку на край тарелки.

– Да, в Таджикистане. Он там в тюрьме сидел, пока война не началась. А как война началась, тюрьму взорвали, и из нее все разбежались. Вот и он убежал, сначала в Узбекистан, потом сюда.

– И что, до сих пор не получил никакого документа? Война же там была лет десять назад? Как он дальше без паспорта? Как вы поженитесь?

– Да зачем ему паспорт? Ему сейчас шестьдесят. Жить осталось еще лет двадцать. Что уж, не проживет без паспорта, что ли...

Действительно... Мамин ответ поставил меня в тупик.

– Ну а жениться вам как, например?

– Расписываться мы и не будем. Это ж не главное. Только обвенчаемся. Это ведь гораздо важнее.

– За что он в тюрьме сидел? – я взял вилку и вернулся к забытой за таким разговором картошке.

– Милиционера убил.

– Милиционера? – кусок картошки застрял у меня в горле, и я закашлялся.

– Да. Говорит, милиционеры на улице кого-то били, он заступился, да неудачно ударил одного, камнем.

– Мама, это любимая байка всех зеков! – Я снова отложил вилку. – А ты мне так спокойно рассказываешь?! И готова пустить его к себе под крышу! Где он сейчас-то живет?

– Нигде не живет. На работе живет, в подсобке какой-то.

– А после того как поженитесь, где будете жить?

– Здесь, конечно.

Я глубоко вдохнул воздух.

– Мама, тебе ничто не кажется странным в твоем рассказе о Евгении Ивановиче? Он, кстати, действительно Евгений Иванович? Честно говоря, он больше на узбека похож или на таджика.

– Конечно, Евгений Иванович, раз так назвался. И что тут странного? – мама невинными глазами смотрела на меня.

– Человек без паспорта, без места жительства, судимый за убийство...

– Но он же хороший человек. Ты сам сказал, что он тебе понравился... – мама продолжала ковыряться вилкой в тарелке. – Если его судьба когда-то побила, не вычеркивать же теперь человека из жизни? Наоборот, нужно руку помощи подать. А человек он прекрасный – верующий, работающий, порядочный.

– Пусть он хотя бы паспорт себе сделает... – С чего я

привел этот аргумент, непонятно – словно уже согласился со всем остальным.

– Зачем?

– Чтобы хоть как-то подтвердилось, что он приличный человек.

– Вон чиновники все воруют, так у них не просто паспорта, а еще и дипломатические, так что же, они после этого приличные люди?

Убийственная логика...

– Мам, ты жутко асоциальный человек. Как тебя еще законопослушные американцы терпят?

– Они меня не терпят, они меня боятся, – рассмеялась она.

– Ничего, мам, я сам поговорю с Евгением Ивановичем и разберусь во всем.

– Конечно, поговори. Ты сам все увидишь. Давай я его завтра на ужин приглашу.

Позже вечером мы сидели перед телевизором. Мама смотрела любимый телесериал, я, вроде, тоже, хотя мои мысли находились сразу в нескольких местах. В какой-то момент (весьма драматичный для происходящего на экране действия) я встал с дивана, взял трубку радиотелефона и вышел в другую комнату. Набрал номер Лехиного телефона. «Хоть бы трубку подняла Наташа...» – тихое моление.

– Алло, привет, – веселый голос Наташи, – тебе Лешку?

– Нет, я с тобой хотел поговорить.

– Хорошо, – она чему-то рассмеялась. – Ты вовремя меня поймал. Я уже собиралась уходить.

– Я тебя отвлекаю? Давай перезвоню позже.

– Нет, ерунда. Спасибо за редкое качество души типа вежливости. Хочешь – пойдем с нами. Мы сегодня на дискотеку собрались. Но пока нас тут только три сестрицы под окном, – снова взрыв смеха, Наташиного и – в отдалении – судя по всему, ее подружек.

– Классно. Спасибо.

– Встретимся на Абая – Космонавтов в одиннадцать.

10

Мы шли по улице – я с Наташей впереди, а двое ее подружек, Жанна и Катя, – в нескольких шагах за нами.

– У Лешки сейчас две темы для разговора: какой у него высокий Ай Кью и как он благодаря этому скоро разбогатеет, – жаловалась Наташа.

– Этот вывод не лишен некой логики, – улыбнулся я.

– Терпеть не могу логические выводы... Они убивают жизнь.

– Громко сказано...

– Ну... Жизнь в самом широком ее смысле – все классное, живое, нестандартное.

– Опять тоскою к людям ведомый, иду в кинематографы, в трактиры, в кафе.

– Это к чему? – удивление в лучезарных голубых глазах.

Я неопределенно махнул рукой:

– Маяковский – к классному, живому, нестандартному...

– А, тогда понятно.

Мы продолжили путь в молчании.

– В последнее время меня Лешка задолбал еще на другую тему, – прервала паузу Наташа, – ревнует меня к моему парню, будто я Лешке не сестра, а жена или невеста...

– У тебя есть парень? – холодная ртуть через все мое тело...

– Его зовут Дэн. Он диджей.

Он оказался не просто ди-джемем, а тем экстравагантным прихожанином в рваных джинсах и с музыкой «Раммштайн» из наушников, которого мы с мамой видели в церкви.

– Антонина Сергеевна, это – со мной, – поцеловав Наташу в губы, он махнул в нашу сторону рукой.

– Сколько человек? – недовольно переспросила странного вида женщина лет пятидесяти в халате уборщицы, но с изысканным макияжем.

Дэн обернулся и пересчитал нас по головам:

– Четверо.

– И вот каждый так... – ища сочувствия и поддержки, женщина грустно посмотрела мне в глаза. Я быстро прошел вперед и скрылся за дверью.

– Это наш арт-директор, – бросил на ходу Дэн, – классная тетка, только занудная немного.

– Только ни в коем случае не угощай его спиртным, – шепнула мне на ухо Наташа, – а то он становится бешеным.

Я равнодушно кивнул. Хорошо. Я не буду угощать его спиртным.

– Мои сеты с двенадцати до часу и с двух до трех. Остальное время я в вашем распоряжении, – войдя в зал, прокричал Дэн и устремился к танцплощадке.

Было без пятнадцати двенадцать. Формально дискотека еще не началась, и играла нейтральная разогревающая му-

зыка, под которую особо не потанцуешь, но Дэн и под нее весело и задорно запрыгал в невообразимом танце. К нему присоединилась Наташа и ее подруги. Я прошел к барной стойке и заказал джин-тоник.

Жизнь полна иллюзий, она состоит из них. Два-три часа назад я выстроил целый иллюзорный мир вокруг будущего наших с Наташей отношений. Я представил, что все будет очень красиво, романтично и исполнено счастья. Я представил страстный роман. Я представил нас целующимися. Я представил ее красивое молодое тело. И, конечно же, ее запах нежности... Который станет моим запахом.

Бокал джин-тоника опустел. Я попросил повторить.

Жизнь полна иллюзий. Иллюзий, на которые мы тратим столько сил и энергии... Для мнимого достижения которых прикладываем столько усилий... Но, с другой стороны, иллюзия – часть духовной жизни человека, ее инструмент. Через воображение мы прикасаемся к метафизическому, потустороннему – будь то в искусстве, или в религии. Человеку, не имеющему иллюзий, духовные миры недоступны. Только где заканчивается иллюзия и начинаются высшие миры (если они вообще существуют)? И как прорваться к ним через иллюзию? Может быть, для этого нужно наполниться иллюзией до краев и пропустить ее всю через себя, а в момент максимальной наполненности – резко дернуть ручку смыва и спустить все в сливное отверстие? Только где такая ручка смыва? Наверное, это очень сложный трюк. А те, кто ему

научились, – и есть так называемые пророки, мистики, просветленные, или как там их еще называют... Я же пока только гоняюсь за иллюзиями...

– Попробуй. – Я не заметил подошедшую Наташу. Она протянула мне какой-то сумасшедший коктейль с плавающими в нем листьями мяты и дольками мандарина: – Это за счет заведения. Бармен – Дэновский друг.

– Спасибо, солнце.

– На здоровье. Сейчас уже Дэновский сет начнется. Он обычно начинает неторопливо, но потом такой кач устраивает – мало не покажется.

– Ты любишь грибы?

– Галлюциногенные, что ли? Не знаю, никогда не пробовала, – Наташа расслабленно откинулась на барную стойку, – в Алма-Ате их, по-моему, и нет...

– Нет, я про жареные. Маслята в сметане, или лисички, жаренные с картошкой. Невероятно вкусно.

Наташа громко рассмеялась.

Дэн действительно отыграл невероятно зажигающий сет. Когда он вышел из диджейской кабинки и присоединился к нам, я уважительно пожал его руку.

– А как иначе? – пренебрежительно отмахнулся он. – Разве есть что-нибудь более классное, чем музыка и танец?

«А Наташа?» – хотел спросить я с издевкой, но промолчал.

Мы вышли на улицу – Наташа первой, за ней – я, и позади нас – Дэн. Наташины подружки где-то потерялись еще час назад. Наташа сошла с тротуара на улицу, остановилась на проезжей части и радостно подняла к небу руки. Я оглянулся. Дэна нигде не было.

– Где Дэн?

Наташа ничего не ответила, но где-то в притротуарных кустах взревел мотор, и оттуда на мотоцикле выехал Дэн. Проехав мимо меня, он вырулил на проезжую часть к Наташе. Крикнув: «Пока!», она запрыгнула на заднее сиденье мотоцикла. Дэн молча махнул рукой, и они понеслись прочь по пустынной улице.

Я побрел в сторону дома. Вытащил из кармана свой мобильный. Семь пропущенных звонков. Проверил номер – Паша. Черт! И звонить уже поздно...

Я шел пешком по вакууму гулких ночных переулков. Мой мобильный телефон показывал «02:30». Московское время. В Алма-Ате – полпятого утра.

Осторожно открыв дверь, стараясь не шуметь, я вошел в прихожую, снял кроссовки. Из комнаты выскочила мама:

– Как тебе не стыдно?! Я все это время не спала, беспокоилась. Только приехал, а ни одного дня не можешь со мной посидеть. Сразу по каким-то гулянкам, как будто не ко мне приехал...

Я подошел к ней и обнял:

– Мам, что ты придумываешь... Конечно, к тебе. Просто задержались немного с друзьями. Извини...

– Всего здоровья так лишишь, – обнимая меня в ответ, жаловалась мама.

– Извини. Почему ты не спала?

– Я легла, хотела заснуть. Даже заснула ненадолго, но потом вдруг проснулась, потому что опять кто-то свистел. И так тревожно сразу стало... И после уже не могла заснуть.

– Ну извини. Пойдем спать, – обняв маму за плечо, я проводил ее в спальню. – Я только в душ еще схожу, и тоже в кровать.

– Хорошо, – мама тяжело вздохнула и легла в постель.

Я достал из шкафа полотенце. Послышался тихий прерыв-

вистый свист. Пытаясь понять, откуда он доносится, я выско-
чил на балкон. Свист прекратился. Подождав пару минут, я
направился в ванную комнату.

– Егор, тебя там к телефону. Говорят, срочно...

Я вывалился из сна в реальность – быстро и безвозвратно.
Мама протягивала мне трубку радиотелефона.

– Алло. Слушаю, – прохрипел я в трубку.

– Привет. Спишь еще, что ли? – звонкий голос Наташи.

– А, это ты...

– Ты ждал звонка от английской королевы? – Было хоро-
шо слышно, как на том конце линии она смачно надкусила
яблоко.

– Нет, со сна просто... Рад тебя слышать.

– Мне что-то стыдно стало, что мы вчера тебя одного бро-
сили. Решила позвонить и узнать, как ты добрался.

– Добрался без проблем. А вы как?

– Тоже нормально – что с нами случится... Что собира-
ешься сегодня делать?

– Хочу сходить по галереям.

– Куда? – Снова хруст яблока.

– В картинные галереи. Посмотреть работы местных ху-
дожников.

– Понятно... А у меня сегодня нет занятий. Можем вместе
пойти...

После душа я натянул на себя майку и джинсы, взял с полочки мобильный телефон и вышел из квартиры на лестничную площадку. Набрал Пашин номер.

– Блин, ну ты даешь... – без приветствия обрушился на меня он. – То, блин, волновался, названивал, то теперь, когда я тебе звоню, решил меня в полный игнор послать.

– Ладно, хорош из себя угнетенного строить... Был в ночном клубе, не слышал.

– В ночном клубе? Молодец, не теряешься. Короче, пробили насчет твоей телеграммы. Отправлена из Алма-Аты. Имя отправителя – Ирина Харламова.

– Мамино имя...

– Кто там на самом деле отправил – выяснить невозможно.

– Ясно. Спасибо. Может, действительно, моя мама ее отправила, чтобы я в гости приехал, а теперь стесняется признаться...

– Ну... Что могу сказать... Ты свою маму лучше знаешь.

Я солгал Паше. Я действительно хорошо знал свою маму, и знал, что она не могла отправить эту телеграмму. Тогда кто? И – еще более важный вопрос – зачем?

Пар клубился над чаем, красиво клубился. Я задумчиво намазывал на хлеб масло.

– Кто тебе звонил так срочно и настойчиво?

– Сестра Алексея.

– Что случилось?

– Ничего. Просто в компании вчера одно недоразумение произошло. Она извинялась... – приврав совсем чуть-чуть, ответил я.

– Какая порядочная девушка. И Алексей воспитанный мальчик. Сразу видно – порядочная семья.

Мы встретились с Наташей около центрального выставочного зала. Она была вся в черном, плюс подведенные темно-синим глаза и веки, и пепельного цвета губная помада. Она протянула мне тоненький «вог»:

– Будешь?

– Я, между прочим, бросил два месяца назад. Так что больше меня не искушай.

– Ну извините, – раскланялась она в реверансе.

– Что-то случилось – ты в трауре? – спросил я.

– Не-а. Все нормально. Просто выбрала на сегодня такой стиль. Я вообще черный цвет люблю.

– Да, тебе идет.

– Спасибо.

Не докурив сигарету, она бросила ее в урну:

– Ну что, пойдём... Мне тоже пора бросать курить.

В центральном выставочном зале картин было немного. Преобладали горно-степные пейзажи, сюрреализм и кубизм в желто-коричневых тонах.

– Почему здесь все так любят желто-коричневые цвета?.. – вслух удивлялся я.

– Цвет степи, пустыни, скал – цвет Азии, – неуверенно ответила Наташа, – но мне тоже не нравится.

– Впрочем, это своеобразно. Можно говорить об определенной стилистике...

Кроме нас по залу бродил сморщенный мужичок лет пятидесяти, наполовину лысый, наполовину седой.

– Видишь? – кивнула на него головой Наташа и продолжила шепотом: – Омурзаков, известный художник. Четверть выставленных здесь картин – его. Сам ходит и на них смотрит, – рассмеялась она. Я тоже усмехнулся.

– Поехали дальше? – глянула она на меня невинными голубыми глазами из под темно-синих – почти черных – век.

– Поехали. Куда?

Мы посетили три частных галереи. Наташа весело вышагивала впереди, прилежно и вдохновенно исполняя роль гида, водящего иностранного туриста по местным достопримечательностям.

– Как тебе? – выйдя из последней галереи и спрятав глаза за солнцезащитными очками, спросила она.

– Некоторые вещи понравились... – пожал я плечами. – А в остальном – фигня.

– А что ты после Москвы ожидал?

– Не в этом дело... Мне кажется, что в искусстве нельзя

лгать...

– Ну да, конечно... Заявил... – рассмеялась Наташа. – Все искусство – сплошная правда.

– Я не это имел в виду, конечно, – усмехнулся я. – Просто в искусстве нужно очень верить в то, что делаешь. Иначе получается фигня. А здесь такое странное впечатление, что многие совершенно не верят в то, что делают... Это сразу бросается в глаза.

– А ты веришь?

– Ну... По крайней мере, когда не верю – тогда не делаю...

– А я не делаю, когда мне за это не платят... – усмехнулась Наташа. – Но я и не претендую на то, чтобы считать себя человеком искусства.

– Хорошо, что ты откровенна сама с собой...

Мы шли от Дома ученых по аллее улицы Красина, переименованной ныне в улицу Валиханова. Наташа подбежала к груде листьев на газоне и пнула ее ногой. Листья вспорхнули в воздух и потом медленно планировали вниз маленькими дельтапланами. Березовые листья.

– Хочу в Москву... – мечтательно проговорила она.

– Дэн тоже в Москву хочет?

– Дэн в Германию хочет, на фестиваль электронной музыки. Парад любви называется.

Я когда-то видел телепередачу об этом фестивале. Тысячи радостных людей идут по улицам города. Все замечательно и прекрасно. Только почему-то когда я смотрю на большие

скопления людей, я перестаю верить в божественное предназначение человека. Не знаю, почему...

Алексей сидел на стуле перед большим грязноватым столом. Из-за стола на него равнодушно смотрел Дмитрий Васильевич – маленького роста, коренастый и крепко сбитый кореец лет пятидесяти с густым ежиком волос. Он был небрит и одет в неряшливый спортивный костюм, но на столе перед ним лежал мобильный телефон дорогой модели, а рядом – маленький и, судя по виду, тоже дорогой ноутбук. Алексей словно в противоположность хозяину кабинета был одет с иголочки: черный костюм, белая рубашка, модный галстук, черные начищенные ботинки. Все недорогое, купленное на «барахолке», но подобранное так, чтобы выглядеть солиднее.

Только в такой одежде – костюме делового человека – он чувствовал себя уверенно, словно не он сам, а кто-то другой внутри произносил четкие и хлесткие фразы, кто-то другой двигался уверенно и элегантно – совсем как в бизнес-новостях.

При всем этом Алексей давно чувствовал: что-то в его жизни складывается не так. Словно он стоит один в раздевалке перед тренировкой, и на нем – только плавки. Он смотрит на грязную голубую стену и понимает, что кроме него никого нет – ни в раздевалке, ни в душевой, ни в спортивном зале. Вот-вот должна начаться тренировка, но все ком-

наты пусты – ни тренера, ни спортсменов. Только он один стоит полуголый в раздевалке. Тренировки не будет? Или она уже идет – где-то в другом месте, в другом спортзале? Так и жизнь проходит где-то далеко по другому пути – там, где его нет. Он же бегает в каком-то замкнутом пространстве с разреженным воздухом. Хочется хотя бы однажды глубоко вдохнуть воздуха – всей грудью, всем телом, капиллярами, но не получается, как бы он ни раздувал свои легкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.